

ЭССЕ И. С. ТУРГЕНЕВА «ГАМЛЕТ И ДОН-КИХОТ», ДОПИСАННОЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКИМ (К ИСТОРИИ ИДЕЙ В РОССИИ)*

Далеко не случайно пик русского донкихотства падает на вторую половину XIX века, период самоидентификации России. Речь, по всей вероятности, нужно вести о столь частом и столь благотворном в истории идей взаимообогащении между идеей донкихотовской и русской идеей.

Как в русскую идею, так и в донкихотовскую в разное время различными идеологами, мыслителями, публицистами, писателями вкладывался разный смысл и вкладывается до сих пор. Однако несмотря на все эти различия под определенным углом зрения в них обнаруживается весьма близкий смысл. При этом для того, чтобы попытаться доказать, в чем он заключается, необходимо договориться о понимании этих идей, на которое мы будем опираться в наших рассуждениях.

Смысл, вкладываемый нами в донкихотовскую идею, будет совпадать с интерпретацией И. С. Тургенева, изложенной им в речи «Гамлет и Дон-Кихот». Что же касается русской идеи, то, учитывая чрезвычайную разнородность мнений, мы считаем возможным опираться на то ее понимание, которое было особенно близко Ф. М. Достоевскому, утверждавшему, что высокое предназначение России заключается в том, чтобы спасти сбившуюся с пути европейскую цивилизацию. Обостренное чувство ответственности за Европу, утратившую, с его точки зрения, духовные ориентиры, позволяет ему в знаменитой речи о Пушкине утверждать, что первоочередной задачей России является внесение «примирения в европейские противоречия», указание исхода «европейской тоске в своей русской душе».¹

В основе нашей гипотезы лежит убеждение в том, что в этом сближении идеи донкихотовской и русской идеи огромную роль сыграли Тургенев (неосознанно) и Достоевский (вполне сознательно).

В знаменитой речи, произнесенной в 1860 году, Тургенев утверждал: «Нам показалось, что все люди принадлежат более или менее к одному из этих двух типов; что почти каждый из нас сбивается либо на Дон-Кихота, либо на Гамлета».² Однако писатель не делает вполне, казалось бы, ожидаемого следующего шага, после слов: «все люди» не добавляет «и все народы». Забегая вперед, скажем, что в 1877 году, в «Дневнике писателя» этот шаг делает Достоевский.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 21-18-00527, <https://rscf.ru/project/21-18-00527/>, в ИРЛИ РАН.

¹ См.: *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1984. Т. 26. С. 148.

² Цит. по: *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч.: В 12 т. 2-е изд., испр. и доп. М., 1980. Т. 5. С. 331. Далее ссылки на это издание даются в тексте сокращенно, с указанием номера тома и страницы.

Напомним, что отличительные черты образа Гамлета, согласно Тургеневу, заключаются в следующем: «Что же представляет собою Гамлет? Анализ прежде всего и эгоизм, а потому и безверье. Он весь живет для себя самого, он эгоист» (5, 333).

В противоположность типу Гамлета, тип Дон Кихота в понимании русского писателя таков: «Жить для себя, заботиться о себе — Дон-Кихот почел бы постыдным. Он весь живет (если так можно выразиться) вне себя, для других, для своих братьев, для истребления зла, для противодействия враждебным человечеству силам — волшебникам, великанам, т. е. притеснителям. В нем нет и следа эгоизма, он не заботится о себе, он весь самопожертвование — оцените это слово! — он верит, верит крепко и без оглядки» (5, 332).

На наш взгляд, прямая подсказка к важнейшей переакцентуации и перекодировке речи Тургенева есть в ее тексте, правда, всего одна. Тургенев пишет о том, что в некоем разъединении, дуализме следует признать коренной закон всей человеческой жизни. Гамлеты — суть выражение центростремительной силы природы, по которой все живущее считает себя центром творения и на все остальное взирает как на существующее только для себя, в то время как Дон Кихоты олицетворяют собой противоположный принцип преданности и жертвы — центробежной силы, по закону которой все существующее существует только для другого. И далее он подводит нас к мысли, что эти две силы, косности и движения, консерватизма и прогресса — суть основные силы всего существующего. Они же, завершает он свою мысль, «дают нам ключ к уразумению развития могущественнейших народов» (5, 341). При этом не забудем, что уже на первой странице статьи Тургенев недвусмысленно дает понять, что именно Россия является Дон Кихотом в его, тургеньевском, истолковании. Именно русскому народу, утверждает он, следовало бы понимать под донкихотством «высокое начало самопожертвования» (5, 330). Знаменательно, что задолго до Достоевского Тургенев упомянул в одном контексте русский народ, Дон Кихота и «высокое начало самопожертвования».

Тургенев сам подсказывает здесь понимание его речи как своеобразной увертюры к изводу русской идеи, основывающемся на вере в Россию, которой предназначено спасти европейскую цивилизацию.

Можно только удивляться, почему разговор о Гамлете и Дон Кихоте как Европе и России не был артикулирован раньше, в первые же месяцы после прочитанной речи и опубликованной статьи.

Любопытно, что Тургенев по ходу работы над статьей «Гамлет и Дон-Кихот» настолько изменил свой первоначальный замысел, что, будучи истолкованными как Европа и Россия, Гамлет и Дон Кихот становятся достойными противниками. Так, в окончательный текст не вошло упоминание «трусости» (5, 515) Гамлета и «тупости» (5, 516) Дон Кихота, обнаруживаемые в черновом автографе. Из окончательного текста Тургенев снял утверждение о Гамлете, что «в сущности он мелок и антипатичен», а Дон Кихот, в противоположность ему, «в сущности трогателен и велик».³ Первый оппонент стал сложнее и противоречивее, второго Тургенев заметно идеализировал и героизировал.

Знаменательно, что подобного рода допущение, уподобление Гамлету и Дон Кихоту стран и народов встречалось в европейской публицистике как в эти годы, так и в XVII и XX веках. В XVII столетии португальцы вскоре после освобождения своей страны от испанского господства сравнивали

³ См.: Левин Ю. Д. Гамлет и Дон-Кихот. План-конспект и наброски текста // Тургеньевский сборник. Материалы к Полному собранию сочинений и писем И. С. Тургенева. М.; Л., 1966. С. 73–74.

с Дон Кихотом, представляющим свой народ, чванливую Испанию.⁴ Политический обозреватель «Отечественных записок» В. Санин, обсуждая в статье «Выгодный обмен» передел Италии в 1860 году, уподоблял Гамлету и Дон Кихоту Францию и королевство Сардиния (5, 518; комм. Ю. Д. Левина). Задолго до речи Тургенева с Гамлетом сами немцы сравнивали Германию. Он для них стал символом немецкого народа, не способного к борьбе за свое освобождение. Людвиг Берне считал Гамлета копией немцев. А Ф. Фрейлиграт утверждал: «Гамлет — это Германия».⁵ В период Гражданской войны героическую, республиканскую Испанию сравнивал с Дон Кихотом А. Мачадо.⁶

Нет ничего удивительного в том, что политические оппоненты и противники в идеологических баталиях эпохи могли прямо противоположным образом смотреть как на описанные Тургеневым архетипы, так и на национальное своеобразие русского народа. Так, Писарев в статье «Схоластика XIX в.», рассуждая об особенностях последнего, утверждает, что ему ближе Гамлет, чем Дон Кихот: «Здравый смысл и значительная доля юмора и скептицизма составляют, мне кажется, самое заметное свойство чисто русского ума; мы более склоняемся к Гамлету, чем к Дон-Кихоту; нам мало понятны энтузиазм и мистицизм страстного адепта» (цит. по: 5, 519; комм.).

С другой стороны, речь Тургенева вдохновляла деятелей культуры России на самые неожиданные толкования. В результате не только страны и народы, но и эпохи могли претендовать на гамлетовский или донкихотовский статус. Так, критик-народник А. М. Скабичевский в статье, напечатанной в 1875 году в № 10 журнала «Отечественные записки», предложил считать 1840–1860-е годы эпохой «гамлетизма», а 1870-е, годы активных людей, не мучающихся укорами совести, — эпохой «донкихотства». Достоевский читал отзыв об этой статье в журнале «Гражданин».⁷

Знаменательно, что в поэме «Venezia la bella» Аполлона Григорьева, «собрата» Достоевского по почвенничеству, мы находим одну из самых ярких и запоминающихся художественных интерпретаций донкихотства, в чем-то предвещающую тургеневскую, но в то же время отчасти предвещающую толкование Достоевского:

Но было в этом донкихотстве диком
 Не самолюбье пошлое одно:
 Кто слезы лить способен о великом,
 Чье сердце жаждой истины полно,
 В ком фанатизм способен на смиренье,
 На том печать избранья и служенья.⁸

На речь и на статью Тургенева так или иначе откликнулись А. И. Герцен, Н. А. Добролюбов, П. В. Анненков, Д. И. Писарев, И. И. Панаев, А. А. Григорьев, Н. С. Лесков, К. Н. Леонтьев, Л. Н. Толстой, Н. К. Михайловский, П. Л. Лавров, П. А. Кропоткин и многие другие. Достоевский, казалось бы, не откликнулся, подобно другим деятелям русской культуры, славянофилам и западникам, революционным демократам и консерваторам. Однако спустя

⁴ Подробнее см.: Багно В. Е. Дорогами «Дон Кихота». М., 1988. С. 430.

⁵ Подробнее см.: Левин Ю. Д. Статья И. С. Тургенева «Гамлет и Дон-Кихот» (К вопросу о полемике Добролюбова и Тургенева) // Н. А. Добролюбов. Статьи и материалы. Горький, 1965. С. 129–131.

⁶ См.: Тертерян И. А. Философско-психологические истолкования образа Дон Кихота и борьба идей в Испании XX в. // Сервантес и всемирная литература. М., 1969. С. 70.

⁷ [Б. п.]. Из текущей жизни // Гражданин. 1875. 21 дек. № 51. С. 1254–1255.

⁸ Григорьев А. А. Собр. соч.: В 10 т. СПб., 2021. Т. 1. С. 372.

годы он отреагировал на нее самым важным и значительным для истории идей в России образом: в «Дневнике писателя».⁹

Оценка современной европейской цивилизации в творчестве Достоевского принципиально отличалась от отношения к ней большинства его соотечественников. Вместе с тем речь идет не о резкости суждений или обоснованности претензий, а о том, что его сетования и прогнозы воспринимаются как взгляд «изнутри», в то время как его соотечественники, при всей широте амплитуды, в основном смотрели на Европу «извне», оценивая ее проблемы, восхищаясь ее достижениями или предрекая ее грядущий крах отстраненно, лишь в связи с интересами России. Тем самым есть основания поставить вопрос о том, что Достоевский в своей критике Запада скорее близок тем западноевропейским мыслителям, таким как Р. Шатобриан, Ж. де Местр, Ф. Баадер, Ф. Шеллинг, Х. Доносо Кортес, А. Мандзони, которые на протяжении всего XIX столетия, задолго до О. Шпенглера, высказывали мысли о «закате» Европы. Мысли, как и в случае с Достоевским, пронизанные болью за то состояние европейской цивилизации, которое явилось следствием Великой французской революции.¹⁰

В главе «Примирительная мечта вне науки» «Дневника писателя» за 1877 год Достоевский, как если бы он дополнял статью Тургенева историософским смыслом и геополитическим содержанием, утверждал: «Так точно и в народах: пусть есть народы благоразумные, честные и умеренные, спокойные, без всяких порывов, торговцы и кораблестроители, живущие богато и с чрезвычайною опрятностью; ну и бог с ними, всё же далеко они не пойдут; это непременно выйдет средина, которая ничем не сослужит человечеству: этой энергии в них нет, великого самомнения этого в них нет, трех этих шевелящихся китов под ними нет, на которых стоят все великие народы. Вера в то, что хочешь и *можешь* сказать последнее слово миру, что обновишь наконец его избытком живой силы своей, вера в святость своих идеалов, вера в силу своей любви и жажды служения человечеству, — нет, такая вера есть залог самой высшей жизни наций, и только ею они и принесут всю ту пользу человечеству, которую предназначено им принести, всю ту часть жизненной силы своей и органической идеи своей, которую предназначено им самой природой, при создании их, уделить в наследство грядущему человечеству. Только сильная такой верой нация и имеет право на высшую жизнь. Древний легендарный рыцарь верил, что пред ним падут все препятствия, все призраки и чудовища и что он победит всё и всех и всего достигнет, если только верно сохранит свой обет „справедливости, целомудрия и нищеты“. Вы скажете, что всё это легенды и песни, которым может верить один Дон-Кихот, и что совсем не таковы законы действительной жизни нации. Ну, так я вас, господа, нарочно поймаю и уличу, что и вы такие же Дон-Кихоты, что у вас самих есть такая же идея, которой вы верите и через которую хотите обновить человечество!»¹¹

Там же он выдвинул идею подлинно донкихотовскую, т. е., с одной стороны, гениальную по своей простоте и общедоступности, а с другой — абсолютно утопическую по своей неосуществимости. Выстрадавшая Достоевским идея о своеобразном объединении всей русской интеллигенции под знаком донкихотства, на основе веры в «общечеловечность» — это итог его многолетних раздумий о ее расколе.

⁹ Упоминаний самой речи Тургенева в окончательном тексте «Дневника писателя» нет, однако их можно обнаружить в «Записях к „Дневнику писателя“ 1876 г. из рабочих тетрадей 1875–1877 гг.» (Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. Т. 24. С. 91, 167).

¹⁰ Подробнее об этом см.: Багно В. Е. Русская идея Запада (к постановке проблемы) // К истории идей на Западе. «Русская идея». СПб., 2010. С. 5–25.

¹¹ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. Т. 25. С. 19.

Речь шла о реальной (с точки зрения Достоевского) возможности преодоления — под знаменем донкихотства — раскола между славянофилами и западниками, о проникнутой почти экуменистским пафосом возможности объединения в лоне донкихотства не только всей русской интеллигенции, но и всего русского народа.

Вспомним, что в статье «Гамлет и Дон-Кихот» первых ее читателей удивило то, что несмотря на несомненную близость Тургенева описанному им типу Гамлета, восхищаться он был готов Дон Кихотом. Тем самым именно в нем сформулированная позднее Достоевским идея объединения на основе веры в «общечеловечность» идейных оппонентов в России была уже представлена, хотя и не декларирована.

Создается впечатление, что Достоевский спустя семнадцать лет возвращается к эссе Тургенева, которое некогда произвело огромное впечатление на его поколение, и прочитывает его заново, увидев в нем то, что ускользнуло от их внимания в 1860 году, т. е. историософский, а не только психологический и культурологический смысл.

В главе «Меттернихи и Дон-Кихоты» «Дневника писателя» за этот же год Достоевский взглянул на противостояние России-Дон Кихота и Европы-Гамлета с другой стороны: «Поверьте, что Дон-Кихот свои выгоды тоже знает и рассчитать умеет: он знает, что выиграет в своем достоинстве и в сознании этого достоинства, если по-прежнему останется рыцарем; кроме того, убежден, что на этом пути не утратит искренности в стремлении к добру и к правде и что такое сознание укрепит его на дальнейшем поприще».¹²

В наборной рукописи «Дневника писателя» за сентябрь 1877 года Н. А. Тарасова реконструировала вычеркнутые слова и строки подглавки «Ложь ложью спасается», в том числе восторженную характеристику самого сервантесовского героя, чрезвычайно напоминающую тургеньевскую: «И самая картина судьбы столь великого и прекрасного существа [как Дон Кихот], может быть лучшего из людей...».¹³

Любопытно, что в следующей подглавке писатель, воспользовавшись публицистическим и историософским ключом, допускает, что уже не Россия, а Европа превращается в некоего анти-Дон Кихота, у которого «ложь ложью спасается». Европа, с ее «поврежденным умом», которая спасает свою мечту о «ничтожности и бессилии России», придумывает «гораздо нелепейшую мечту», неимоверно возвышая Турцию: «В Европе случилось то же самое, что произошло в поврежденном уме Дон-Кихота, но лишь в форме обратной, хотя сущность факта совершенно та же: тот, чтоб спасти *истину*, выдумал людей с телами слизняков, эти же, чтоб спасти свою основную мечту, столь их утешающую, о ничтожности и бессилии России, — сделали из настоящего уже слизняка организм человеческий, одарив его плотью и кровью, духовною силою и здоровьем. Об России же самые образованные европейские государства со страстью распространяют теперь совершенные нелепости. В Европе и прежде нас мало знали, даже до того, что всегда надо было удивляться, что столь просвещенные народы так мало интересуются изучить тот народ, который они же так ненавидят и которого постоянно боятся».¹⁴

И далее, развивая идеи Тургенева и продолжая свою мысль о России-Дон Кихоте, предназначение которой — жертвовать собой во имя ближнего и во имя человечества, он утверждает: «Обнажим, если надо, меч во имя угнетенных

¹² Там же. С. 50.

¹³ Тарасова Н. А. «Дневник писателя» Ф. М. Достоевского (1876–1877). Критика текста. М., 2011. С. 332.

¹⁴ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 27.

и несчастных, хотя даже и в ущерб текущей собственной выгоде. Но в то же время да укрепится в нас еще тверже вера, что в том-то и есть настоящее назначение России, сила и правда ее, и что жертва собою за угнетенных и брошенных всеми в Европе во имя интересов цивилизации есть настоящее служение настоящим и истинным интересам цивилизации».¹⁵

Достоевский утверждает, что Россия-Дон Кихот наконец поняла, в чем ее призвание. Теперь она не будет нападать на мельницы, а будет жертвовать собою «за угнетенных и брошенных всеми в Европе».

С точки зрения русского писателя, предназначение России-Дон Кихота — расколдовать Европу-Дульсинею, временно себе на беду превратившуюся в Европу-Гамлета, и спасти ее от неминуемой гибели. Расколдовать Европу, чтобы она снова стала дорогой его сердцу Дульсинеей.

В пылу полемики самого русского писателя оппоненты, авторы сатиры «Послание Белинского к Достоевскому» (1846), которыми, по всей видимости, были Тургенев и Некрасов, уже в самом начале его литературной карьеры готовы были сравнивать с Витязем Горестной Фигуры (1, 332, 544–546). Спустя десятилетия в связи с «Дневником писателя» А. М. Скабичевский заметил, что сам Достоевский-прорицатель, «воображающий, что одним ударом меча в одни сутки можно решить все европейские, западные и восточные вопросы», напоминает Дон Кихота.¹⁶

Трагедия современной ему Европы, с точки зрения как Достоевского, так и консервативных мыслителей Запада, донкихотов христианства, заключалась в том, что она отошла от Христа. России предопределено вернуть ее в лоно религии, а ему предназначено быть провозвестником этого грядущего торжества.

В Европе близкие Достоевскому концепции особого предназначения России рождались в среде интеллектуалов, разочаровавшихся в европейской цивилизации, ее современным состоянием, процессом секуляризации культуры, технократическими победами и духовными поражениями.

При этом озабочены они были лишь судьбами Европы, а Россия волновала их лишь постольку, поскольку ею можно было воспользоваться в собственных интересах, и в отношении к ней не было и не могло быть единодушия. Если Ж. де Местр пришел к убеждению, что Россия благодаря такому «азиатскому средству», как склонность к насилию и убийству, является орудием, избранным Провидением для спасения европейской христианской цивилизации,¹⁷ то, согласно Баадеру и Шеллингу, России предназначено силой духа залечить раны Европы.¹⁸

Если уподобление Дон Кихоту русской интеллигенции прошло почти незамеченным, то второе — уподобление ему России — вызвало жаркие дискуссии, восторги, недоумение, а подчас и отповедь, в том числе со стороны испанцев. Так, известный франкистский философ и историк С. Монтеро Диас писал: «Если под пером Тургенева сервантесовский герой обрусел, то Достоевский пошел еще дальше. Он уподобил ему саму Россию, навязал ему мистическую, имперскую, вселенскую тоску, столь свойственную этому народу. Неожиданная участь для героя, являвшего собой саму доблесть, которая была в то же время взвешенной, сбалансированной и гармоничной».¹⁹

¹⁵ Там же. Т. 25. С. 50.

¹⁶ См.: Там же. С. 340.

¹⁷ См., например: Степанова М. Жозеф де Местр в России // Лит. наследство. 1937. Т. 29/30. С. 587–588.

¹⁸ См.: Биллингтон Д. Х. Икона и топор. Опыт истолкования истории русской культуры. М., 2001. С. 383.

¹⁹ Montero Díaz S. Cervantes, compañero eterno. Madrid, 1957. P. 70–71.

Огромная роль, которую сыграл в русской культуре образ Дон Кихота, объясняется тем местом, которое занимала в России этой поры проблема самоидентификации. Споры о судьбах России, столь волновавшие русскую интеллигенцию, концепции особого ее предназначения ассоциировались с донкихотовской «идеей», со знаменитым девизом Дон Кихотов всех времен и народов: «Я знаю, кто я».

Донкихотовская идея — повернуть историю вспять, возродить преданную забвению рыцарскую цивилизацию оказалась чрезвычайно актуальной в России XIX столетия, когда русская интеллигенция формулировала «русскую идею» — представление об особом предназначении России, призванной спасти европейскую христианскую цивилизацию, растоптанную Великой французской революцией, протянуть руку охваченному кризисом, утратившему духовные ориентиры Западу.

Не последнее место донкихотовский субстрат занимает в тот период самоидентификации России, который опосредованно связан с Великой французской революцией и Наполеоновскими войнами. Не будет преувеличением сказать, что «идея» Рыцаря Печального Образа — спасти гибнущее человечество, утратившее моральные ценности, опутанное меркантильными заботами, претворилась на русской почве в одну из составляющих «русской идеи». Донкихотовский утопизм, донкихотовский нонконформизм, мессианский элемент донкихотства оказались во второй половине XIX столетия востребованы именно в России, и эта востребованность донкихотства русской культурой не осталась незамеченной Западом.

Как ни парадоксально, одним из отцов русской идеи оказывается западник Тургенев, который в своей речи «Гамлет и Дон-Кихот» подсказал возможность противопоставить Дон Кихота, олицетворяющего Россию, Гамлету, олицетворяющему Европу. Однако именно эта возможность, несмотря на огромный резонанс, который речь произвела на общественное сознание, не была востребована его современниками. И лишь в 1877 году, в нескольких главах «Дневника писателя» Достоевский, не упомянув Тургенева и не ссылаясь на его речь, но воспользовавшись ею, как всеобщим достоянием, расставил все по своим местам.